

УДК 740+993+433

DOI: 10.34670/AR.2023.14.95.005

Борьба с неверными (Корюн и Иоанн Эфесский)**Володарский Михаил Сергеевич**

Аспирант,
Московский городской педагогический университет,
123022, Российская Федерация, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;
e-mail: mihailvolodarsky@yandex.ru

Кожевников Сергей Борисович

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социальных наук,
Московский городской педагогический университет,
123022, Российская Федерация, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;
e-mail: KozhevnikovSB@mgpu.ru

Аннотация

В статье проводится сопоставительный анализ понимания проблемы гонения в контексте описания работ двух мыслителей, вложивших в свои труды множество религиозных и эсхатологических размышлений. Особое внимание в данной работе уделяется фактору видоизменения, в какой-то степени философского переосмысления, устоявшихся летописных канонов, которые трансформировались в апокалиптические предчувствия грядущего, чем-то отдаленно напоминающие модель Августина Блаженного. Важно учесть тот факт, что мыслители описывали исторические события сквозь призму трансцендентальной религиозной субъективной концепции, которая не имела строгой структурной формы и композиции. В данном исследовании раскрыт жанровый аспект, который выступает вернее не как исторический, а скорее, как панегирический источник, в какой-то степени напоминающий «Книгу Хрий». Исследуемые ниже материалы позволяют расширить представления о специфике осмысления проблемы гонения на конфессии, и несмотря на то, что исследуемые источники имеют, скорее, относительную информативность, которая, необходимо заметить, касается различных религиозных систем, небезынтересна и требует дальнейшего изучения.

Для цитирования в научных исследованиях

Володарский М.С., Кожевников С.Б. Борьба с неверными (Корюн и Иоанн Эфесский) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 65-71. DOI: 10.34670/AR.2023.14.95.005

Ключевые слова

Корюн, Иоанн Эфесский, летописание, эсхатология, история, философия.

Введение

Несмотря на довольно массивную временную пропасть между Корюном и Иоанном Эфесским, можно заметить немало схожих черт, не столь характерных для этого периода, но выделяющих данных мыслителей на фоне иных пишущих знаковых персон раннего Средневековья. С одной стороны, стоит отметить, что Корюн не воспринимал себя историком или летописцем, а, скорее всего, поэтом и философом, который с должным пафосом восхвалял своего учителя, что по праву замечают такие ученые, как Н.Г. Адонц, Г. Фынтыглян, С. Вебер, с другой же, исследователи М. Абемян и Н. Акинян видели в нем ученика, неуверенно записывающего действия учителя, при этом искажая и преувеличивая многие исторические факты, которые, возможно, ненамеренно попали в объектив летописца. Подобные споры в научном мире также связаны с личностью Иоанна Эфесского, который во многом воспринимается исследователями полярно.

Так, например, писец довольно часто употребляет понятие «ts'ut'», которое с сирийского языка можно перевести, как «рассказы». Это говорит о том, что, возможно, Иоанн не воспринимал свой труд, как исторически стройный текст, а скорее вольное повествование происходящего [van Ginkel, 1994, 323-333]. Несмотря на это, многие ученые считают «первого сирийского церковного историка» [Land, 1856, 55-105] или же «историка монофизитской ориентации» писцом, который не обращает внимания на довольно прямое смысловое название «История церкви», кроме этого, историк мало времени уделяет основной канве, так как большую часть его текста занимают описания политических событий и гонений монофизитов. Исходя из этого, исследователи Иоанна Эфесского отмечают его тенденциозность и политическую ангажированность.

Сам писатель отмечает, что беспорядочность «Истории Церкви» связана с тем, что «Большая часть этих повествований была написана именно в то время, когда гонение продолжалось, и среди затруднений, причинявшихся гнетом последнего, оказалась даже необходимость, чтобы друзья убирали листы, на которых были написаны эти главы и все другие части сочинения, которые скрывали их в различных местах, где они иногда оставались по два или три года. Поэтому, когда встречались события, которые автор желал упомянуть, могло случиться, что он о них отчасти говорил прежде, но у него не было под руками бумаг или заметок, по которым можно было прочесть или узнать, были ли они описаны или нет. Если, следовательно, он не помнил, что внес их в свою книгу, то, возможно, что как-нибудь позднее он снова приступал к подробному их изложению, и поэтому случается, что об одном и том же рассказывается не в одной главе, а в нескольких, даже и после он не находил времени для того, чтобы гладко и ясно изложить их в стройном рассказе» [Ващева, 2009, 303].

Стоит отметить и подобные критические нападки, связанные со стилем автора. В труде Иоанна Эфесского часто повторяются выражения и довольно длительные отступления, затрагивающие основную тему повествования и непоследовательность описаний, а это, в свою очередь, затрудняет анализ исторических событий. Однако, благодаря писцу, мы узнаем про передвижения иноков, оставляющих свои духовные жилища в Амиде.

Основная часть

По сути, борьба с неверными, включая монофизитов, не имела систематический характер, а лишь возгорала из-за политических и религиозных стычек императоров или же по личным убеждениям патриархов. Например, при Маркиане подавления скорее имели характер

восстановления порядка после народного бунта, который произошел вследствие слухов о «несторианском соборе». Сам же Иоанн Эфесский писал про помрачение ума Юстиниана, на фоне относительно компромиссной политики Анастасия, которая воспринималась как одна из самых популярных версий, согласно которой надвигаются бедствия на монофизитский «милет». Исходя из этого, монофизитам оставалось бежать, при этом создавая параллельную церковную иерархию.

Данное событие породило эсхатологические суждения во время гонения иноверцев. Писец не просто так включает фрагменты с военными действиями, преследованиями, а также интригами, и это можно считать одной из особенностей в структурной составляющей жанра. Подробное пояснение уделяется происшествиям светского характера, так, например, в сравнении с текстами Евсевия Кесарийского, в трудах Евагрия и Иоанна Эфесского повышается интерес к политической истории страны. Одной из значимых глав, касаясь данного вопроса, по праву можно считать подобное отклонение в VI книге, III части экклезиастики, которая пронизана повествованиями о войнах и гонениях. В первой же главе писец оправдывает свой отход от канонов, связывая его с апокалиптическими предчувствиями. Во многом, работу «История церкви» Иоанна Эфесского можно воспринимать как историю монофизитов, попавших во время надвигающегося конца света, где император, с одной стороны, должен являться духовным защитником, с другой же, не разделяющий религиозных суждений монофизитов, а это, в свою очередь, осознается историком как личное заблуждение, которое рано или поздно уступит истинной монофизитской церкви.

Данный жанр дает возможность продемонстрировать свое видение на историю отдельного человека, принадлежащего к определенной религиозной группе, независимо от того, пользовалось ли это учение поддержкой со стороны государства или нет.

Стоит отметить, что, возможно, история воспринималась Иоанном как процесс циклический, переходящий из одной фазы в другую, и гонения являются тому прямым подтверждением. Ведь периодические нападки созданы лишь для того, чтобы отсечь ненужных. Во многом, общая система писца напоминает пессимистическую модель Августина Блаженного, где войны и катаклизмы можно считать предвестиями конца света. Так гонения на монофизитов и успешные военные события Византии воспринимаются как предпосылки к апокалипсису, после которого восторжествует истинная церковь. Стоит отметить, что основной задачей писца не было хронологически описывать события, а скорее рассмотреть религиозный кризис и преследования, с точки зрения монофизитов. В некоторой степени, подобную тенденцию перенял Иоанн у Евсевия Кесарийского, объясняя исторические события при помощи различных трансцендентных сил. В целом, догматические суждения и стилистика, в некоторой степени, принадлежат к той же ойкумене, что и труды Иеронима, Кассиодора и Августина, несмотря на монофизитство и сирийский язык, на котором был написан данный труд, в некоторых моментах довольно созвучный с традицией греческого церковного историописания, к которой отчасти можно отнести и Корюна, занимавшегося описанием жизни своего учителя.

Стоит отметить, что в это время под покровительством персидской власти в Армении чрезмерно усилилось влияние сирийского духовенства. В 430-х годах католикос Саак был лишен патриаршего престола, и с этого момента в стране начали господствовать католикосы-сирийцы. Переводческая деятельность Саака, Маштоца и их учеников была направлена, во многом, против языка этого народа. При таких обстоятельствах становится относительно понятно, для чего Корюн пишет столь длинное предисловие, наполненное цитатами из Библии,

возможно, это было желание показать, почему именно ему дозволено описать житие Маштоца, а также объяснить, зачем столь обширное место в труде занимает отшельническая и проповедническая деятельность учителя, которая была признана сирийскими епископами, равно, как и византийскими, чего не могли отрицать и оппоненты. Чтобы не вызвать гневных предубеждений, Корюн довольно редко обращает внимание на политические и церковные дела того времени, лишь изредка описывая борьбу с иноверцами или еретические гонения. «Затем он (Маштоц) приступил к расследованию секты бесстыдных и непокорных барбарянов. И когда не нашел никакого средства обратить (их) на истинный путь, он взялся за посох усмирителя и предал (их) тяжким мукам в тюрьмах, пытках и тисках. Но когда (после применения) и этих (мер) оказались они лишены спасения, тогда избивали, предавали огню, мазали их сажей и, опозорив разными способами, изгоняли их из страны» [Смбатян, Мелик-Огаджанян, 1962, 16].

Стоит отметить и тот факт, что писец не повествует о том, что в армянской церкви преобладали сирийский язык в Восточной Армении, а греческий – в ее западной части. В целом, касаясь армянской церкви, правительство выработало довольно двойную систему. На одной чаше весов была расположена пропаганда зороастризма, на другой же, находилось суждение о соединении сирийской и армянской церквей, которые противостояли греческой. Стоит отметить и подобную Иоанну тенденцию, которую можно найти в тексте Корюна, согласной ей, разделение на своих и чужих напрямую связано с религиозной принадлежностью.

Данные суждения довольно четко демонстрируют, как новопршедшая идеология не внушала доверия и воспринималась как «человеческое заблуждение» [там же, 19].

Есть интересное суждение, которое, возможно, еще больше может сблизить сравниваемых деятелей. Так, например, предположение Г. Тер-Мкртчяна о том, что Корюн был не монахом, а епископом. Данное утверждение выведено из 15 главы: «Я недостойный, вступая в сан епископа, среди них первый Самуэль, муж святой и благочестивый стал же епископом при царском дворе» [там же, 15]. Также, стоит отметить и высокомерное, по мнению Г. Фынтягляна, рассуждение, касаемое чуждого для Корюна армянского народа. Историк довольно часто пишет о нем в третьем лице, кроме этого, целесообразно вспомнить и Фавстоса Бузанла, который подобным образом описывал родину в труде «История Армении». Ученый также подкрепляет суждения и пренебрежительно относится к нравам иверских, а также агванских мест.

Заключение

В жанровом аспекте текст Корюна можно воспринимать не как исторический текст, а как панегирик. Стоит заметить относительное влияние на труд историка, весьма схожий с «Книгой Хрий», которая в то время довольно активно распространялась в Армении. Анализируя и сравнивая труд писца с панегириками греко-римского мира, можно предположить, что они довольно схожи между собой.

В данном тексте, подобно работе Иоанна, присутствуют лишь исторические моменты, которые довольно часто переписывались неверно, так, например, в труде Корюна, не осознавая выражения автора, переписчики видоизменяли глоссу, которая в дальнейшем воспринималась последующими поколениями как догмат. Во многом, это было связано с двойными словами, которые были чуть позже записаны и в другие исторические памятники Агатангелоса, «Четыре книги Маккавейские». Также стоит отметить и малостройную форму, которая у обоих авторов выделяется из-за фактического отсутствия композиционного порядка и строя исторических

событий. Несмотря на это, ученые могут находить в них подтверждения многих гипотез. Так, например, в труде Корюна довольно часто фигурируют деятели просвещения Иверии и Армении, сирийские и греческие государственные деятели и, наконец, Езник Кохбацци, Гевонд, Ропанос и многие другие. Тем самым, Корюна, во многом, можно считать историческим писцом, подробно показавшим значимые сведения, касающиеся событий Армении того времени, а также ереси барбарянов и их подавление. В тот исторический период страны происходили внутрицерковные споры и множество еретических течений направили свои копы в штывы православия и их противодействия воспринимались довольно радикально, возможно, именно поэтому Корюн пытался обойти все острые углы, при этом, описывая подвиг своего учителя. Во времена нападков на Теодора Мопсуэстского, армянская церковь не могла оставаться в стороне.

Данные источники, по праву, можно считать уникальными. Ведь они показывают нам видение, с точки зрения религиозной оппозиции. Конечно, мы можем вспомнить и труды Кира Батиского и Псевдо-Захарии Митиленского, но, в некоторой степени, изучаемые источники имеют относительно большую информативность, которая касается отличных друг от друга религиозных систем, ставших одними из самых значимых трудов, связанных с гонениями в раннем Средневековье.

Библиография

1. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 416 с.
2. Корюн. Житие Маштоца: посвящается 1600-летию со дня рождения великого основоположника армянской письменности. Перевод Ш.В. Смбатяна и К.А. Мелик-Оганджяна. Ереван: Айпетрат, 1962. 164 с.
3. Sarkiss H. J. The Armenian Renaissance, 1500-1863 //The Journal of Modern History. – 1937. – Т. 9. – №. 4. – С. 433-448.
4. van Ginkel J. John of Ephesus on Emperors: The Perception of the Byzantine Empire by a Monophysite // Orientalia Christiana Analecta. 1994. 247. P. 323-333.
5. Land J.P.N. Joannes, bishop von Ephesos, der erste syrische kirchenhistoriker: einleitende studien. Leyden, 1856. 218 p.
6. Dum-Tragut J. Armenian //Armenian. – 2009. – С. 1-758.
7. Sanjian A. K. The Armenian Alphabet //The World's Writing Systems. – 1996. – С. 356-357.
8. Stone, M. E., Kouymjian, D., & Lehmann, H. (2002). Album of Armenian Paleography (p. 140160). Aarhus: Aarhus University Press.
9. Thomson R. W. Constantine and Trdat in Armenian Tradition //Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1997. – Т. 50. – №. 1/3. – С. 277-289.
10. Nalbandian L. The Armenian revolutionary movement: The development of Armenian political parties through the nineteenth century. – Univ of California Press, 1963.

Fight against the unbelievers (Koriun and John of Ephesus)

Mikhail S. Volodarskii

Postgraduate,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 4, 2nd Selskokhozyaystvennyi driveway,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: mihailvolodarsky@yandex.ru

Sergei B. Kozhevnikov

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 4, 2nd Selskokhozyaystvennyi driveway,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: KozhevnikovSB@mgpu.ru

Abstract

The research presented in this article provides a comparative analysis of the understanding of the problem of persecution in the context of the description of the works of two thinkers who have invested a lot of religious and eschatological reflections in their works. Special attention in this work is paid to the factor of modification, to some extent philosophical reinterpretation, of the established chronicle canons, which were transformed into apocalyptic premonitions of the future, somewhat vaguely resembling the model of Augustine the Blessed. The authors of the paper note that it is important to consider the fact that thinkers described historical events through the prism of a transcendental religious subjective concept, which did not have a strict structural form and composition. In this study, the genre aspect is revealed, which acts more precisely not as a historical, but rather as a panegyric source, to some extent resembling the "Book of Hria". The materials studied below allow us to expand our understanding of the specifics of understanding the problem of persecution of confessions, and despite the fact that the sources under study are rather relatively informative, which, it should be noted, concerns various religious systems, is not uninteresting and requires further study.

For citation

Volodarskii M.S., Kozhevnikov S.B. (2023) Bor'ba s nevernymi (Koryun i Ioann Efesskii) [Fight against the unbelievers (Koriun and John of Ephesus)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 65-71. DOI: 10.34670/AR.2023.14.95.005

Keywords

Koriun, John of Ephesus, chronicle, eschatology, history, philosophy.

References

1. (2009) *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History]. Moscow: LIBROKOM Publ.
2. van Ginkel J. (1994) John of Ephesus on Emperors: The Perception of the Byzantine Empire by a Monophysite. *Orientalia Christiana Analecta*, 247, pp. 323-333.
3. Land J.P.N. (1856) *Joannes, bishop von Ephesos, der erste syrische kirchenhistoriker: einleitende studien*. Leyden.
4. (1962) *Koriun. Zhitie Mashtotsa: posvyashchaetsya 1600-letiyu so dnya rozhdeniya velikogo osnovopolozhnika armyanskoi pis'mennosti. Perevod Sh.V. Smbatyana i K.A. Melik-Ogandzhanyana* [Koriun. Life of Mashtots: dedicated to the 1600th anniversary of the birth of the great founder of Armenian writing. Translation by Sh.V. Smbatyan and K.A. Melik-Oganjanyan]. Yerevan: Aipetrat Publ.
5. Sarkiss, H. J. (1937). The Armenian Renaissance, 1500-1863. *The Journal of Modern History*, 9(4), 433-448.
6. Dum-Tragut, J. (2009). Armenian. *Armenian*, 1-758.
7. Sanjian, A. K. (1996). The Armenian Alphabet. *The World's Writing Systems*, 356-357.
8. Stone M. E., Kouymjian D., Lehmann H. *Album of Armenian Paleography*. – Aarhus : Aarhus University Press, 2002. –

C. 140160.

9. Thomson, R. W. (1997). Constantine and Trdat in Armenian Tradition. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 50(1/3), 277-289.
10. Nalbandian, L. (1963). *The Armenian revolutionary movement: The development of Armenian political parties through the nineteenth century*. Univ of California Press.